

Людмила
МАРШЕЗАН

РАССКАЗЫ ИЗ ПАРИЖА

А л е т е й я

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Людмила Маршезан
Рассказы из Парижа

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маршезан Л.

Рассказы из Парижа / Л. Маршезан — «Алетейя»,
2018 — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-907030-86-2

Французы говорят, что Париж – это единственное место в мире, где можно обойтись без счастья... Автор, прожив в этом городе более тридцати лет и перешедшая с ним на «ты», подарит вам незабываемые встречи, вовлечет вас в неутомимый ритм Парижа, раскроет его секреты и русские тайны, ведь Париж никогда не кончается и связывает воедино даже такие отдаленные места, как Камчатка или Байкал. Погружайтесь в вечные поиски Парижа.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907030-86-2

© Маршезан Л., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

В гостях у Марины Цветаевой	6
Парижские тайны	13
Герои умирают молодыми	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Людмила Маршезан

Рассказы из Парижа

© Л. Маршезан, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Дорогие дети: Диана, Давид, Александр! Где найти слова, которые смогли бы выразить всю мою любовь к вам. Таких слов на земле нет, ибо моя любовь безмерна. Будьте!

Мама

В гостях у Марины Цветаевой

Портрет Марины Цветаевой в квартире у Флорана (Ванв) Художник Галина Бларе.

«Дорогая Людмила, завтра, в субботу 30 апреля я жду Вас с друзьями у Марины по адресу: 65 rue J.-В. Potin 92170 Vanves. Обнимаю, Флоран». Прочитав эту записку, я как-то растерялась. Ведь Марина Цветаева проживала по этому адресу с 1934 по 1938 год, и с тех пор прошло почти восемьдесят лет, а Флоран пишет так, будто бы Марина Ивановна сейчас сидит за письменным столом и пишет:

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям
Меня охранял – как шрам.

Несмотря на трудные, а порой и нищенские условия жизни семьи Цветаевой, всегда была «победа» письменного стола над бытом! Ведь

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы – и что ей хаты!

Цветаева была необыкновенной, и мерить её мещанским «общим аршином» не возможно, потому что она была Поэтом во всём и всегда, мыслила и чувствовала стихами. Её исключительность и вызывала эту несовместимость с окружающей жизнью. «Я пережиток тургеневской женщины», – говорила она о себе.

И вот я иду на встречу с Ней, в её квартиру и мне кажется, что я перехожу в другое измерение и хочется постоянно цитировать Цветаеву: «радости не было, был восторг»... и какая-то печаль, совсем не свойственная мне. А может быть эта грусть из-за серых облаков, мелкого дождика и северного ветра? Мы собрались возле дома под мемориальной доской со стихами Марины Цветаевой (перевод на французский Вероники Лосской):

Во все окна! С фронтона —
Вплоть до вросшего в глину —
Что окно – то икона,
Что лицо – то руина
И арена... За старым
Мне и жизнь и жильё
Заменившим каштаном —
Есть окно и мое.

Чтобы не спугнуть очарования нашей встречи мы читаем эти строки про себя... Поверьте, совершилось чудо – словно устыдившись своей серости, облака раздвинулись, обнажив синий платок неба, и луч солнца осветил стихи Цветаевой.

На пороге дома нас уже ждал Florent Delporte – историк, преподаватель немецкого языка, музыкант, актёр, одним словом, интеллигентный француз. Он совершенно случайно купил квартиру в старом доме на зеленой окраине Ванва.

Сама Цветаева писала об этом доме с чудесным умилением: «Мы живём в чудном 200-летнем каменном доме, в чудном месте, на чудной каштановой улице, у меня чудная большая комната с двумя окнами и в одном из них огромным каштаном... Это моя главная радость...»

Лопушиный, ромашный
Дом – так мало домашний!
С тем особенным взглядом
Душ...

В этом же доме с 1925 года жила другая семья русских эмигрантов из Санкт-Петербурга – Айкановых.

Айканов Михаил Порфирьевич (1877–1964) был юристом, а его жена Антонина Георгиевна обладала удивительным голосом и часто пела русские народные песни. Это их сын Митрофан сообщил семье Цветаевой о возможности снять квартиру (удобную и недорогую) и помог им переселиться. До этого семья жила в Кламаре (10 rue Lazar Carnot). Айкановы занимали первый и второй этажи и имели выход в маленький сад, посреди которого рос столетний красавец-каштан. Марина Ивановна поставила свой письменный стол у окна, чтобы любоваться этим каштаном, и, может быть, когда она слышала русские песни, доносящиеся из квартиры соседей, Марина вспоминала своё радостное дачное детство в Тарусе.

Мы ищем глазами цветаевский каштан, но увы, он уже срублен «цивилизацией», и только какая-то невидимая птичка настойчиво поёт среди оставшейся зелени.

– Соловей, – сказал кто-то неуверенно. А может, этот соловей видел Цветаеву?
Я улыбнулась.

– Соловьи живут всего лишь 10–15 лет. Говоря словами Марины Ивановны, «когда поёшь, много не проживёшь». А вот говорящий попугай живет 100 лет, он мог бы видеть Поэта и заучить её стихи. Осталось только найти такого попугая...

В вестибюле милый Флоран обратил наше внимание на пол:

– Вот именно по этим керамическим плиткам ходила вся семья Цветаевой: Марина, Сергей, Аля (Ариадна), Мур (Георгий). Ничего не изменилось с тех пор, и у меня в доказательство этого есть фотография, где Мур с Мариной стоят вот на этом кафеле всё с тем же рисунком, и за их спиной видна все та же лестница.

Я вспомнила, что именно в эти годы кто-то подарил Цветаевой фотоаппарат, и она очень увлеклась фотографией. Вот благодаря этому увлечению и сохранилось достаточно много её фотографий с друзьями, детьми, на отдыхе, дома...

Но всё-таки странно, что Флоран полностью перешёл с Цветаевой на «ты», такое впечатление, что он находится у неё в гостях, знает её привычки, помнит каждый прожитый ею день... Как же это случилось?

Однажды, много лет тому назад, один телефонный звонок резко изменил всю жизнь Флорана Дельпорте:

– Говорит Александра Свинина, я хочу снять репортаж о Марине Цветаевой, которая раньше жила в этой квартире...

С этой минуты Флоран начал изучать русский язык, заучивать стихи Цветаевой наизусть, покупать книги, собирать фотографии, выписки из архивов, ездить в Россию и посещать все музеи Марины.

Высокий, стройный, красивый с открытой улыбкой и открытой душой он всегда рад принять «у Марины» всех, кто влюблён в её творчество. А когда Флоран садится за пианино и импровизирует стихи Цветаевой, нам кажется, что это она сама передала ему это особое отношение к поэтическому слову и эту энергию чувств, которой он заполнил всё пространство. Цветаева, как и Пастернак, могли бы быть прекрасными музыкантами или композиторами, но они бросили музыку ради Поэзии. Мама Марины видела свою дочь пианисткой, но это был «ребёнок, обречённый стать поэтом». Может быть поэтому Марина воспринимала мир не зрительно, а музыкально:

Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!

Звуковое многообразие поэзии Цветаевой, яркость и необычность метафор, гибкость, лёгкость и в то же время богатство слова отражают многоголосие жизни и её безнадёжное одиночество:

...мне имя Марина,
Я бренная пена морская.

Именно здесь, в её квартире, мне почему-то вспомнился остров Ольхон – сердце Байкала, главное культовое святилище и энергетический центр шаманизма. Сидя у Скалы-Шаманки, старый шаман рассказывал нам, что шаманами не становятся, ими рождаются, но и этого ещё недостаточно – необходимо иметь знак, божественную отметину.

– Вот вы видите эту Скалу-Шаманку. Её уникальность и исключительность красоты – это природный храм, и в состоянии транса (это правильно называется: пустить в себя Онго) я вижу эту скалу в виде хрустального дворца-башни со спиральной лестницей, возносящейся к небу. Там так хорошо, что трудно выйти из этого состояния, чтобы не разбиться о время...

Цветаева обладала божественной отметиной Поэта, но, разбившись о время, предсказала будущее:

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Флоран продолжает показывать квартиру Марины: вот спальня, камин тот же, на камине стопка книг о Цветаевой, паркет тот же. Планировка квартиры почти не изменилась. Кабинет Марины, её письменный стол уже переехал в музей Москвы, но висит фотография стола, да и везде много фотографий Марины, даже на стене в кухне. И много книг – книги Цветаевой, книги о Цветаевой. Флоран продолжает рассказывать:

– Марина с детства проваливалась в книжный мир, она жила книгами, и Пушкин формировал её отношение к поэзии. Поэтому не случайно в этой квартире в 1937 году она написала «Мой Пушкин» – эссе-воспоминание. Это портрет души Пушкина и её самой...

Мы рассаживаемся в гостиной и продолжаем не только слушать Флорана, но и рассматривать многочисленные альбомы с фотографиями, вырезками из газет и журналов, архивными выписками... А с портрета на стене, слегка прищурившись, смотрит на нас Марина, задумчиво улыбаясь.

Кто-то сказал, что настоящая биография Цветаевой ещё не написана, так вот тот человек, который сможет написать её с точностью историка (люблю легенды, но не люблю неточностей) и с любовью ценителя творчества Марины. Но Цветаева безмерна... И мы запоем читаем её стихи, стихи поэта «с лица необщим выраженьем», «одна из всех!» Как точно она знала себя: «Любить в мою меру, то есть без меры...» Но кто может принять душу поэта, кто смог быть на уровне такой любви, от которой она ждала так много, но признавала, что Душа и Поэт превосходят над женщиной. Она искала высоты отношений (это удалось в переписке с Борисом Пастернаком), высоты духа, нежности... Когда наступал крах, рождались необыкновенные стихи. Как писал Пастернак «она подарила нам бездну ранящей лирики... которая называется «Поэма Конца». Марина Цветаева писала Вере Буниной: «Как хотелось! Другой жизни, свободы, себя во весь рост, себя на воле, просто – блаженного утра без всяких обязательств». Как же на все увлечения Марины реагировал её муж Сергей Яковлевич Эфрон? С первой минуты знакомства в Коктебеле у Макса Волошина он уже знал, что его Марина – не как все и что она не может и не будет как все, и он любил её и принимал такой, какой она была, и обращались они друг к другу на «Вы» с большим уважением и заботой. Они оба понимали, что соединены нерасторжимо («Мы же сросшиемся»). Вот что пишет Сергей в письме к Марине: «День, в который я Вас не видал, который я провёл не вместе с Вами, я считаю потерянным». А Цветаева писала своей знакомой: «Мне во всем – в каждом человеке и чувстве – тесно, как во всякой комнате, будь то нора или дворец...» Её любовь к миру всегда была с дерзостью гордого вызова. Это поразительная неподражаемость Цветаевой: «Я не верю стихам, которые льются! Рвутся – да!»

Но «рвались» не только стихи, рвалась сама жизнь: именно в этой квартире она писала: «иных времён, иных картин провижу я начало», то есть *начало конца*. 15 марта 1937 года Аля Эфрон получила советский паспорт и радостная, счастливая, полная надежд и энтузиазма уехала в Москву навстречу страшным испытаниям – 17 лет лагерей. Сергей Яковлевич Эфрон, разочарованный в Белом движении, любой ценой хотел вернуться в Россию. Начиная с 30-х годов, он активно включился в работу «Союза возвращения на родину» и сотрудничал с иностранным отделом ОГПУ в Париже. Есть подозрения, что он был замешан в похищении Председателя русского общевойскового Союза генерала Миллера, а также причастен к убийству невозвращенца Игнатия Рейса. Сергей Эфрон в октябре 1937 года спешно бежал через Гавр паромом в Ленинград. В квартиру Цветаевой нагрянула с обыском французская полиция. Вот как раз полицейский протокол, составленный с очень подробным описанием квартиры и послужил Флорану доказательством того, что именно здесь жила семья Марины. Копию этого протокола Флоран бережно хранит и знает уже наизусть. Цветаева не интересовалась политикой, она верила своему Серёже всю жизнь. Когда с остатками Белой армии Эфрон бежал за границу, Марина, все годы искавшая и в конце концов через Эренбурга нашедшая его, писала: «Если Бог сделает это чудо – оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами, как собака». Вот

«как собака» она и поехала за ним в Москву... А французской полиции она ответила так: «Его доверие могло быть обмануто, мое к нему остаётся неизменным». И Марина начала готовиться к отъезду. В марте 1938 года она писала друзьям: «А сейчас усиленно разбираю свои архивы: переписку за 16 лет... и конца и краю не видно. Тяжелое это занятие: строка за строкой – жизнь шестнадцати лет, ибо проглядываю всё. (Жгу тоже пудами)».

Я смотрю на камин и представляю, сколько слов и энергии Цветаевой поглотил его огонь. Сколько было невысказанной боли, а высказать было некому: её сын Мур совсем не понимал и не хотел слушать Марину. Она раздаривала свои вещи, книги, мебель, потому что уже летом 1938 года должна была освободить эту квартиру в Ванве. Лето Цветаева провела с сыном в деревне на море, а осенью въехала временно в дешёвую гостиницу в Париже. Марина с Муром уехали из Парижа 12 июня 1939 года. Представьте себе – их никто не провожал...

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где совершенно одинокой
Быть...

Марина Ивановна Цветаева родилась в эпоху гениев, каскада поэтов, когда золотые голоса Серебряного века рождались почти ежегодно: Блок – 1880 г., Ахматова – 1889 г., Пастернак – 1890 г., Мандельштам – 1891 г., Цветаева – 1892 г., Маяковский – 1893 г. Они знали друг друга, любили, восхищались, посвящали друг другу стихи. Но щедрее всех была Марина со своей стремительной непосредственностью. К Блоку у неё была «поэтическая коленипоклоненность», она называла его «современным Орфеем!» Ариадна, дочь Цветаевой, писала: «Блок был единственным поэтом, которого она чтит не как собрата по «струнному ремеслу», а как божество от поэзии и которому как божеству поклонялась». Блока Цветаева называла «сплошной совестью», воплощением Духа. Она обладала уникальным даром восхищаться чужими талантами, потому что её гениальность не знала зависти: «Златоустой Анной всея Руси» называла она Ахматову, а какие стихи ей посвящала:

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами – то же!

А Мандельштаму она подарила свою любовь и Москву:

Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

«Люблю Мандельштама с его неизменной *магией* каждой строчки. Дело не в классицизме... в *чарах*».

Как образно чётко Цветаева прозвала Маяковского «Архангел-тяжелоступ», своими быстрыми ногами Маяковский ушагал далеко за нашу современность и где-то, за каким-то поворотом, долго ещё будет нас ждать...

Пастернака Цветаева определила как «Световой ливень». Переписка с Пастернаком, мечта о встрече стали необходимостью, воздухом для Марины. Духовное пламя их отношений раздуло «стихотворный пожар».

Расстояние: версты, дали...
Нас расклеили, распяли,

В две руки развели, распяв,
И не знали, что это – сплав
Вдохновений и сухожилий...

Поразительная сила поэзии всех этих поэтов и какая трагическая судьба... Сейчас их именами названы звёзды, но их стихи, как солнце светят нам.

Наши споры-разговоры прервал звук гитары. Это Людмила Полей начала импровизировать:

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
«Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл – седьмого.
.....

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и всё же укоряю:
Ты, стол накрывший на шесть душ,
Меня не посадивший – с краю.

Невысказанная или высказанная боль. У меня заблестели слезы... Ведь это *последнее* стихотворение Цветаевой, написанное 6 марта 1941 года. И опять она не была понята и услышана. Ведь это посвящение ему, молодому, красивому, талантливому поэту Арсению Тарковскому...

Мне захотелось как-то остановить чтение стихов, ведь больно же, так больно. И мне вспомнился чей-то рассказ, рассказ человека, который видел Марину Ивановну только один раз в жизни. Он вспоминает балет «Жизель» со знаменитой Улановой. Сцена сельского праздника. Жизель среди других девушек ничем не выделяется до тех пор, пока не увидела принца и идёт к нему через всю сцену. Происходит гениальное перевоплощение – это сама Любовь в образе женщины идёт навстречу с мужчиной. Это чувство, вызванное Улановой, осталось в памяти. И вот, стоя в очереди за зарплатой в Гослитиздате, он увидел Цветаеву (весна 1941 года). Это была немолодая женщина с седыми волосами, неухоженная, с замкнутым лицом. И в одно мгновение лицо её преобразилось, стало счастливым, светящимся, ожидающе женственным. Она вся подтянулась к вновь вошедшему – это был Тарковский...

В эти трудные жуткие дни (дочь и муж уже были арестованы) как необходим ей был кто-то, кто бы поддержал и понял душу, рассеял страх и написал стихи.

Никого. Она записала: «У меня нет друзей, а без них – гибель». Вот он ключ к разгадке её самоубийства.

Меня не покидает чувство вины, да и друзья мои приуныли, и только голос Флорана вернул нас в действительность:

– Предлагаю читать стихи Марины, написанные в этой квартире.

– Слушайте, – как-то торжественно и строго произнесла наша Лара. Стихотворение «Сад», оно было написано здесь 10 октября 1934 года:

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

– А теперь будем пить чай, – пригласил всех хозяин квартиры. Пользуясь общей суматохой, я вошла в спальню Цветаевой и, пристроившись на краю камина, стала записывать строки, пришедшие вдруг ко мне:

Мне слышатся неслышные шаги,
Мне кажется, огонь горит в камине....

– Где твои пирожки? – услышала я чей-то голос. Пришлось захлопнуть блокнот и разбираться с пирогами. Единственное место, где удалось уединиться – была ванная комната. Закрывшись на все щеколды и задвижки, я дописала начатые строки:

Мне слышатся неслышные шаги,
Мне кажется, огонь горит в камине....
Но только ветер в листьях шелестит,
А на стене – портрет Марины.
Мне кажется, что вдруг войдет она,
Пройдет меж нас и не заметит,
Но только ей знакомая луна,
Задержится печально на портрете.
Мне чудится, что кто-то пишет стих,
Густой и терпкий, словно гроздь рябины...
Вдруг соловей под окнами затих
И замер пред стихом Марины.

Июнь 2016 Vanves

Парижские тайны

Париж, меняясь каждый день, умело сохраняет свои мифы, легенды, истории, но в то же время щедро открывает свои тайны любопытным.

В Латинском квартале, проходя по тихой улочке Feuillantines, обратите внимание на здание с витражами (профессиональный лицей), на стене которого висит мемориальная доска: «Здесь, в обители Feuillantines, находившейся раньше на этом месте, Виктор Гюго провёл часть своего детства с 1808 по 1813 год». Действительно, до 1850 года вместо улицы, которая сейчас и носит название бывшего монастыря Feuillantines, здесь цвели цветы, пели птицы, шумел зелёный монастырский сад, где шестилетний Виктор играл со своими братьями. Позже, в 1855 году, он написал своё известное ностальгическое стихотворение – воспоминание: «Aux Feuillantines»:

Я и мои два брата, играли мы детьми.
Нам мама говорила: Не смейте мять цветы,
И запрещаю вам по лестнице взбираться.
Абель среди нас был старшим, я – самый младший брат.
С завидным аппетитом мы ели всё подряд
Прекрасный пол не мог от смеха удержаться.
В монастыре чердак служил для наших игр.
Там сверху, разыгравшись, смотрели мы на книгу,
Что на шкафу лежала на высоте огромной.
За фолиантом черным поднялись мы однажды.
Как это получилось, не представляю даже,
То Библия была, я точно это помню.
От древнего писанья церковный веял дух.
Обрадовавшись очень, уселись мы в углу.
Картинка за картинкой! Какая благодать!
С находкой на коленях, мы с первой же страницы
Заметили, как стали добрее наши лица,
Забыв про свои игры, мы принялись читать.
Продолжили все трое, проснувшись утром ранним,
Иосиф, Руфь и Вооз, добряк Самаритянин,
А вечером опять и с еще ббольшим рвеньем.
Подобно малым детям, поймавшим в небе птицу,
Им хочется смеяться, кричать и веселиться,
И нежного коснуться рукою оперенья.

Перевод Татьяны Примак

Благодаря этим строкам, мы легко можем представить себе цветущий сад детства Виктора Гюго, почувствовать этот особый дух братства, проникнуть вместе с поэтом на монастырский чердак... Удивительно то, что сюда до сих пор прилетают птицы и не найдя ни единого дерева, отчаянно щебечут на балконах с геранью неоклассических каменных домов. Вот, в одном из таких домов на улице Feuillantines и живет наша семья.

До нас, в этой квартире обитала экстравагантная журналистка французского телевидения Аньес Танги, которая очень любила последний высокий стиль Ар-деко (Art déco). Пол в её прихожей был в шахматном контрасте черного и белого с горящими вкраплениями красного. Без-

условным символом Ар-деко была скульптурная фигурка крадущейся черно-белой кошки, к всеобщему удивлению оказавшейся живой. А светильники... светильники были точно такими же, как на легендарном «декошном» французском корабле-лайнере «Нормандия»...

Я всегда пользуюсь случаем рассказать моим детям о большом вкладе русских эмигрантов (под словом «русский» подразумеваются все нации государства Российского) во французскую культуру, искусство, науку и технику. Мои сыновья открыли для себя многих известных французских писателей русского происхождения, но больше всего они были удивлены узнав, что автор песни французских партизан Анна Марли – русская: Анна Юрьевна Бетулинская. Постепенно «русские факты» накапливались, и это перешло в весёлую и интересную игру и лёгкое подтрунивание надо мной. Поэтому и в этот раз мои мальчики с улыбкой спросили:

– Что скажешь по поводу «Нормандии»? Есть ли здесь русский дух?

– Вы будете смеяться, но её создал русский инженер-судостроитель Владимир Юркевич, который предложил новую гениальную конструкцию корпуса корабля. Даже посадка пассажиров была предвидена через закрытые трапы, как в современных аэропортах. Не забудьте, что это был только 1932 год, когда огромный корпус «Нормандии» скользнул в воду по полозьям, покрытым 43 тоннами мыла и 3 тоннами лучшего лионского сала! Советским писателям Ильфу и Петрову в 1935 году посчастливилось прокатиться на этом роскошном «суперлайнере». Они написали в «Одноэтажной Америке»: «Нормандия похожа на пароход только в шторм – тогда её немного качает. А в тихую погоду – это колоссальная гостиница с изумительным видом на море, которая внезапно сорвалась с набережной модного курорта и со скоростью тридцать миль в час поплыла в Америку!»

– А что случилось потом с «Нормандией»? – уже притихшими голосами спросили мальчики.

– Потом случилась Вторая мировая война и корабль был поставлен на прикол в Нью-Йорке, а когда в июне 1940 года Франция сдалась Германии «Нормандия» была арестована береговой охраной США и тут же начались работы по преобразованию её в военное транспортное судно. По вине рабочих случился пожар и началась паника. Пожарным никак не удавалось потушить пламя. В срочном порядке привезли Владимира Юркевича, который для спасения своего «детища» предложил блестящую идею: открыть кингстоны и позволить судну лечь на дно. Но американцы заупрямились и не последовали совету Юркевича. Так на глазах у своего «отца» погибла «Нормандия»...

Мы быстро привыкли к нашей квартире на rue des Feuillantines. Единственное, моим ребятам не очень нравился большой стеной шкаф, сделанный очень давно sur mesure на всю четырехметровую стену. Его поверхность полностью была покрыта оригинальной росписью в театральном стиле, издали напоминающую фреску. Изящество, сдержанность тонов: цвет песка и перламутра, декоративность – все свидетельствовало о прекрасном вкусе и таланте художника.

Любопытно, кто же это? Хотела узнать у бывшей хозяйки, но журналистка уехала в командировку на край света, да и дел было предостаточно. Как говорил мой друг, «хочется все сразу, а получается постепенно и никогда». Но каждый раз, когда я открывала двери шкафа, я невольно задерживалась, рассматривая фрагменты росписи: открытый занавес, колонна, летящее платье девушки, а может балерины, вдаль – романтический пейзаж... И моё любопытство росло с каждым днем.

– Мальчики, обратилась я к сыновьям, обследуйте внимательно шкаф, может быть, вы найдёте подпись или хотя бы инициалы автора. Ведь театральных художников не так уж и много, даже по инициалам мы вычислим, кто же этот блестящий мастер.

Мальчишки развеселились и начали шутить.

– Может ты думаешь, что это Леон Бакст и это декорации к Ballets russes... Ха-ха-ха.

– Я прекрасно понимаю, что Бакст умер в 1924 году, а эта роспись сделана позднее. А вы знаете, что Бакст это псевдоним, укороченная фамилия бабушки Бакстер, а по-настоящему он Лев Розенберг...

Александр первым увидел что-то и давясь смехом показал Давиду и они оба с хохотом рухнули на ковёр.

– В чём дело? – с любопытством спросила я, мне ведь тоже хотелось посмеяться.

– Рука мастера... Ха-ха-ха... Твой мастер это... Здесь написано, посмотри сама, если не веришь... Твой художник – это Вёбё – ха-ха-ха.

Я даже вздрогнула. Не может быть...

Увидев моё волнение, мальчишки прекратили хохотать и с любопытством смотрели на меня:

– Неужели опять «здесь русский дух»?

– Вы знаете, конечно, Жана Кокто (Cocteau). Так вот, он был не только поэтом, писателем, художником, киносценаристом, но и большим театральным деятелем. Это он дал прозвище Вёбё известному иллюстратору, портретисту, декоратору и театральному художнику Cristian Bérard! После смерти Bérard в 1949 году Кокто посвятил ему свой замечательный фильм «Орфей». Так что эта роспись принадлежит не просто Вёбё, а как его называли раньше, это «дивный, чудесный, замечательный, превосходный Вёбё!»

– Это всё, конечно, интересно, но русские здесь причём? – как-то разочарованно спросил Александр.

– Вы сейчас всё поймёте. Дайте мне немного прийти в себя, я просто потеряла голову, представив, кто мог стоять здесь и любоваться росписью. Дело в том, что близким другом, можно сказать, интимным другом Вёбё, был русский поэт, либреттист, театральный деятель и секретарь Дягилева! Вот вам и Русский балет! Смеётся тот, кто смеётся последним! А звали его Борис Евгеньевич Кохно, как он часто представлялся «*secrétaire de Serge de Diaghilev, directeur des Ballets russes*». Кстати, это Дягилев, в поиске новых театральных художников, открыл 24-летнего Берара, но не оценил, из-за его растерянности, неуклюжести, растрёпанности, «неумения подать себя». Но судьба сводит Бориса Кохно с Вёбё второй раз и уже на всю жизнь до самой смерти Кристиана Берара. А произошло это очень интересно на маскараде у Шанель – они оказались рядом за одним столом и Борис Кохно моментально оценил талант декоратора Берара, который за несколько секунд соорудил свой маскарадный костюм, оригинально завернувшись в снятую со стола скатерть и надев на голову серебряное ведро для охлаждения шампанского. Увидев, как Берар веселится и смеётся до слёз, вытирая их своими пухлыми кулаками, Кохно понял, почему Кристиана прозвали Вёбё. Он действительно смахивал на рекламу мыла «*Sadum*» с блондинистым пухленьким bébé. (В настоящее время этот младенец избирается каждый год через интернет-голосование для рекламы мыла, существующего с 1907 года!)

В этот тяжёлый для Бориса Кохно год (в августе 1929 года умер Дягилев) Вёбё очень поддержал нового друга своим искренним сочувствием, деликатно сопровождая Кохно в его ежедневные прогулки по ночному Парижу. Скорбь и боль были так велики, что Борису Евгеньевичу не хотелось видеть знакомых и выслушивать их любезные соболезнования, поэтому он и выходил в *Paris au clair de lune*...

Вскоре Кохно и Берар поселились вместе в простенькой гостинице. Вёбё сразу же включился в работу над созданием декораций и костюмов для нового русского балета Монте-Карло. Он был очень требователен к себе, и если ему не нравилась какая-либо деталь, он не исправлял, а бросал рисунок на пол, брал чистый лист и начинал всё сначала. Друзья и знакомые, приходя в гости, незаметно поднимали с пола эти сокровища и уносили себе на память. Можно сказать, что Вёбё был большим чудаком. Его домашний халат от Диора (его близкого друга), был так испачкан краской, что напоминал пальто Арлекина. В ресторане он имел привычку рисовать на меню, салфетках, скатерти. Часто своими рисунками иллюстрировал происходящий разго-

вор, делал дружеские шаржи, рисовал публику. Официанты толпились за его спиной, чтобы не упустить случай вовремя сменить салфетку с рисунком Берара и потом выгодно продать. Он был добряк, и многие пользовались его добротой. Однажды Мися Серт (Misia Godebska) с большим сожалением сказала Берару, что её в юности рисовали все знаменитости: Renoir, Toulouse-Lautrec, Bonnard... все, кроме Manet!

– Хорошо, я тебе сделаю портрет в стиле Manet, на котором ты будешь прекрасно юной – ответил Vébé и сдержал своё обещание. И сейчас мы можем любоваться этим портретом. Сосо Chanel тоже была запечатлена Кристианом Бераром и любила его одаривать дорогими подарками. В общем-то, это была единая компания талантливых людей, которые давали друг другу новые идеи, шутили, смеялись, а Кокто и Берар часто уединялись, «pour fumer l'opium». Осталось много рисунков Vébé, иллюстрирующих костюмированные балы: Кохно и Берар – пастушки в стиле Людовика XV вместе с балериной Алисой Алановой (ставшей позже княгиней de Robilan), но самый оригинальный костюм – Vébé в образе Красной шапочки с бородой, а Борис Кохно в облике волка...

«Le merveilleux Vébé» и Кохно после долгих скитаний по маленьким гостиницам в конце концов сняли квартиру возле те-атра «Odeon» (2 rue Casimir-Delavigne) в 1936 году. Берар мог спокойно разбудить Кохно в 3 часа ночи и спросить его мнение по поводу только что законченной картины. А потом до полудня Vébé валялся на широкой софе, читая полицейские романы с последней главы, вызывая этим страшное раздражение их лакея Marcel, который проклинал несправедливость судьбы, сетуя, что он убирает целый день и зарабатывает гроши, а Берар «пачкает красками» холсты и хорошо живет! Можно долго рассказывать все эти милые старые истории, но пора, мальчики идти в лицей, а я пойду к нашей соседке, которая родилась в этом доме и многое знает.

Я спустилась к нашей очаровательной 90-летней соседке. Она усадила меня в старинное кресло и начала рассказывать разные «домовые» истории.

– Деточка моя, вот в этом креслице, где Вы сейчас сидите, создалась самая главная теория французской философии «Notion de déconstruction».

– ?

– Да, да не удивляйтесь. Какое-то время я сдавала мою квартиру Жаки Деррида. Так вот, он любил сидеть, размышлять и работать в этом кресле, поэтому вместо «вольтеровское кресло» я говорю «дерридовское». Деррида был мэтром философии в Ecole Normale с 1964 года по 1984 год и ему было отсюда удобно ходить пешком на работу. Он мне рассказывал, что мальчонкой любил играть в футбол и мечтал стать известным футболистом... А вот рядом с вашей, пустующая квартира принадлежит Madame Marie Malavou, министру образования французской Канады.

– Я знакома с ней. Она заходила к нам на чай со своим тело-хранителем, когда была в Париже, но меня интересует наша квартира, кто её посещал?

– О, всех не упомнишь и всех не узнаешь. Хорошо, что раньше не было лифта, и все встречались на лестнице, любезно раскланивались. Художник приходил, такой не очень опрятный, а с ним господин элегантный с зачёсанными назад тёмными волосами.

– Это Борис Кохно, – вырвалось у меня.

– Всё может быть, деточка, они не представлялись. Только, вот, узнала однажды Кокто.

– Я так и думала, что Кокто обязательно приходил сюда, ведь он так дружил с Берар.

– А женщины приходили?

– Барышни красивые порхали по ковровой дорожке лестницы. Лёгкие, как балерины.

– Наверное, это и были балерины, русские балерины...

Вернувшись домой, ещё раз подошла к росписи на шкафу, представила Vébé, Кохно, Кокто... А может быть, приходил и Серж Лифарь? Ведь Борис Кохно и Серж Лифарь были при Дягилеве в последние часы его жизни, и именно они унаследовали Дягилевские архивы и

были очень связаны общей задачей увековечить память их кумира. Борис Кохно увековечил и память Кристиана Берара, издав богато иллюстрированную монографию. Кохно написал тоже сотни стихов, он даже писал для Вертинского:

«Я душу старинными духами
Нервные изнеженные пальцы...»

А вот эти строки, мне кажется, посвящены Кристиану Берар:

«И опять, Вы опять воскресли,
Рождённый книжной строкой...»

.....

...Да! Я был пленён когда-то
Сединами вашей души...»

Борис Кохно никак не мог примириться с неожиданной смертью Вёбё, всего лишь в 47 лет. Умер Кристиан Берар 12 февраля 1949 года в театре Marigny во время презентации пьесы Мольера. Когда рабочие сцены закончили показ, Кристиан встал, хлопнул в ладоши и сказал: «C'est fini!» упал и умер. По закону, если человек умирает в публичном месте, его тело немедленно должно быть отправлено в морг. Но друзья подхватили Вёбё под руки и сделав вид, что он выпил лишнего, довели его домой и таким же способом подняли на 5 этаж, где в домашней обстановке и прошло прощание.

Борис Кохно пережил своего друга на 41 год. Он умер 8 декабря 1990 года. Оба похоронены на кладбище Père-Lachaise (почти что рядом). Рисунки, стихи, дневники, либретто Бориса Кохно, написанные «театральным почерком» с завитушками, хранятся конечно же в библиотеке музея Оперы Гарнье. В его тетрадях есть такие строки: «В жизни всё давно не так, как нужно»...

Приход детей из школы вывел меня из «той эпохи» и моментально перенёс в «эту». Мальчики, как всегда, наперебой рассказывали свои последние школьные новости.

– Мама, – хитро прищуриваясь, спросил Александр, – ты позволишь мне учиться в школе так, как учился Эйнштейн?

– ?

– Ха-ха-ха. Оказывается, он учился плохо. Это нам рассказывал преподаватель математики.

– Нет плохих учеников, есть плохие педагоги. Когда у Эйнштейна был блестящий профессор, он сделал великое открытие.

– Ты хочешь сказать, что это был русский профессор, – со смехом спросили ребята.

– Конечно. Его звали Герман Минковский, и родился он недалеко от Каунаса, в то время это была Ковенская губерния Российской империи. Он преподавал сначала в университете Кенигсберга, а потом Цюриха, где и был преподавателем Эйнштейна. «Пространство Минковского» – это такая модель времени и пространства, которая существенно помогла Эйнштейну в разработке и открытию теории относительности. И мне очень нравится выражение Эйнштейна: «Есть два способа жить: вы можете жить так, как будто чудес не бывает, и вы можете жить так, как будто всё в этом мире является чудом!»

– Так мы и живем, – сказал Давид, каждый день какие-то чудеса происходят.

– Не забудь, что всё в этом мире относительно, – со смехом заметил Александр.

– Просто может быть, это мы такие чудаки.

Paris, 2014, rue des Feuillantines

Герои умирают молодыми

Катя, как всегда, не шла, а «летела», и перед её стремительностью, казалось, снимали жёлтые шляпы все деревья на avenue des Gobelins. Сентябрь... Еще сохранилась бездумная летняя лучезарность лета, но утомленное солнце уже не тратилось так щедро. После пустынности августа Катюша с удовольствием нырнула в напряженный ритм небритого Парижа, который ее так возбуждал, создавая состояние невесомости, легкости, какого-то бунтарского духа. Пусть на часах у всех была осень – в Катином сердце билась весна! Прохожие с удивлением обнимали её взглядом и заражались – заряжались радостью. Она всегда ставила перед собой потрясающие, недостижимые цели, ведь только те цели имеют смысл, которые и кажутся неподостижимыми. Но сегодня её желание, её миссия исполнятся. А вот и N73 – Fondation Jérôme Seydoux – Paté. Но даже без надписи, отреставрированный великолепный фасад, sculptée par Rodin в 1869 году, сразу же бросался в глаза. Кинотеатр, находившийся раньше здесь, так и назывался «Роден». Но сейчас, после, как говорила Катя, «Parisстройки» за этим старинным фасадом вырос современный пятиэтажный храм любителей кино с куполом из стекла. Архитектор Renzo Piano постарался на славу: уместил на таком маленьком пространстве оригинальнейшую библиотеку, музей, архивы, видеотеку, насчитывающую около десяти тысяч редких шедевров немого кино, комфортабельный просмотровый зал, конечно же, с красными креслами, и чудо-сад с белыми стройными березками, которые так растрогали Катю. Смелость и удивительная архитектурная гармония между прошлым и будущим, атмосфера какой-то загадочности, необыкновенности так соответствовали сегодняшней конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Романа Гари.

Катя уже несколько лет размышляла, читала, готовилась к этой встрече, и вот сегодня, наконец-то, со слов спадают маски... Открыв свою папку с текстом выступления, она внимательно стала перечитывать:

Ромен Гари – настоящее имя и фамилия Роман Кацев (в латинском произношении Kacew) родился 21 мая 1914 года в Российской империи в городе Вильно (Вильнюс) на Сиротской улице в доме № 6. Может быть, от названия этой улицы, а может, потому, что отец Лейб Файвушевич Кацев бросил их с матерью на «произвол судьбы», ощущение сиротства не покидало Романа всю жизнь. С возрастом боль и обида за мать – Мину Иоселевну Овчинскую, провинциальную актрису, не давала ему покоя, поэтому Роману пришлось выдумать другого, знаменитого отца. Сделал это Ромен Гари изумительно правдиво, так что даже в серьезном словаре кинематографии какое-то время значилось: «Мозжухин Иван Ильич (1889–1939), звезда русского немого кино, отец знаменитого писателя Романа Гари». Удивительно, что внешне они были поразительно похожи: загорелые лица, синие глаза, крупный нос. В 1962 году Ромен Гари был членом жюри Каннского кинофестиваля, где встретил знакомого писателя, который только что просмотрел отреставрированный фильм «Мишель Строгов» с Мозжухиным в главной роли.

– Как ты на него похож! – воскликнул писатель, глядя на Гари.

– Это нормально, – ответил он, – что сын похож на отца...

Этой легендой Гари полностью вычеркнул настоящего отца из своей биографии и жизни.

Его мама, символ абсолютной материнской любви, удивительно точно выбрала имя сыну – Роман, как литературный жанр, как эпическое произведение большой формы всей своей жизни. А если прочесть имя Рома с конца, получится AMOR, в переводе с латинского ЛЮБОВЬ. Эта неиссякаемая, всепоглощающая, безграничная любовь Мины Овчинской к своему сыну Ромушке была путеводной звездой его жизни.

Уже в детстве мать открыла ему величие и красоту русской литературы, читала артистично Пушкина, Лермонтова, Толстого, а вечером пела песни Александра Вертинского и рус-

ские романсы и среди них свой любимый «Гори, гори моя звезда»... Наверное поэтому Роман и выбрал свой знаменитый псевдоним Гари, который стал его официальной фамилией с 1951 года.

У матери была удивительная мечта – Франция. Она представляла ее как страну Света и Прав человека, как рай на земле. Идеализация чужой страны, знакомой только по французской литературе, её страстные речи, обращенные к сыну: «Ты станешь Посланником Франции, известным дипломатом...» – вошли в сердце ребенка навсегда, сделав его позже героем Франции и франкофилом.

После Вильно Роман с матерью перебрались в Польшу, таким образом постепенно приближаясь к «французской мечте». Но только в 1928 году, когда Роману исполнилось 14 лет, они сумели эмигрировать в Ниццу. Было очень трудно, но мать, полная энтузиазма, говорила сыну, что даже название города Ницца в переводе с греческого означает Victorieuse, значит, ждет тебя победа!

В лицее Ниццы, благодаря стараниям мамы, ученик Кацев всегда хорошо и по взрослому одет: костюм, галстук, часы. Он прилежно учится, у него прекрасная память и живой ум, а начитанность помогла юному эмигранту стать победителем конкурса по французскому языку и литературе!

Ницца – это юношество Гари, это море, солнце, Лазурный берег, это новое рождение Романа, свободного от страха погромов и антисемитизма. В его книгах море, океан – это персонажи, действующие лица, а о Ницце он всегда помнил и писал с любовью.

Катя вдруг захлопнула папку. Вот так всегда – то, что еще вчера ей казалось интересным, последовательным, привлекательным, сегодня превращалось в тяготию.

– Что же делать? Так выступать нельзя. Все просто уснут от скуки в этих удобных креслах... А зал уже полон... Через несколько минут объявят о начале конференции.

Но Катя ошиблась. Её выступление объявили сразу же. Мысли рвали мозги на части.

Неожиданно для себя Катя спустилась со сцены, подошла вплотную к публике и, держа портрет Гари как икону, без всяких записей начала говорить:

– Ромен Гари никого никогда не повторял и никому не подражал, он оказался отдельной ценностью нашей литературы XX века. Он сам творил свою историю, свои легенды, свою биографию. Он герой и история его вышла героической! Гари рвал свою жизнь на куски, вставляя их в произведения как продолжение своей судьбы.

Но кто может рассказать лучше о Гари, чем сам Ромен Гари? Его легенда начинается с лирического автобиографического «Обещания на рассвете», где он писал об «отчаянном желании утешить мир и когда-нибудь сложить его к ногам матери – счастливый, справедливый, достойный её».

Катя пристально смотрела прямо в глаза слушателям, стараясь растопить лед иронического недоверия и, как профессиональный взломщик, подбирала отмычки, чтобы открыть эти пока что равнодушный сердца.

– Вы чувствуете мужество фраз и идей, это вам не акробатика слов – это язык сердца! Ведь у Гари была только одна цель – разбудить читателя и вместе создать всемирное братство, «вакцинировать» мир человечностью и счастьем. Он по-рыцарски предлагал, что «если европейской цивилизации потребуются духовные наставники, то она может полностью на меня рассчитывать».

Катя продолжала бросать взгляды-молнии в зал, от которых многие опускали головы.

– Разве вас не заражает его мечта *осветить судьбу человечества*? Он предлагал нам жить так, чтобы не было утечки души, чтобы жизнь не превратилась в череду глупых мелких поступков...

Ей хотелось сказать, что Гари – это барометр духовной жизни, это совесть и честь Франции. Ведь он надеялся своими произведениями изменить мир, встряхнуть нас и выдавить из

нашей души хоть каплю человечности. А мы... Мы разочаровали его и не усвоили главных уроков гуманизма. Поэтому он неоднократно задавал себе вопрос, а пристойно ли хотеть жить в таком обществе? И с горьким юмором отвечал: «Я продолжаю жить из вежливости». Но эта «вежливость» внезапно прервалась 2 декабря 1980 года. Французская литература надела траур...

И тут, почему-то Катин голос, звонкий и хорошо поставленный, начал предательски рваться, и она резко изменила узор своего рассказа.

– После окончания лицея в Ницце Роман поступил на юридический факультет в Aix-en-Provence, а потом продолжил учебу в Париже, где и был опубликован его первый рассказ. Неизбежное расставание с матерью было душераздирающим. Ведь она любила Ромушку больше жизни, и свет ее любви согревал Гари всегда: «Плохо и рано быть так сильно любимым в детстве, это развивает дурные привычки. Вы верите, что любовь ожидает вас где-то, стоит только её найти. Вместе с материнской любовью на заре вашей юности вам дается обещание, которое жизнь никогда не выполнит... С первым лучом зари вы познали истинную любовь, оставившую в вас глубокий след. Поэтому повсюду с вами яд сравнения, и вы томитесь всю жизнь в ожидании того, что уже получили...»

Окончив юридический факультет, он с удовольствием надел кожаную куртку пилота и фуражку, которую носил щегольски надвинутой на глаза. Престижная служба в национальной авиации предназначалась только для французов. К счастью в двадцать один год Роман Кацев получил французскую национальность. «У меня нет ни капли французской крови, но в моих жилах течет кровь всей Франции», – с патриотическим энтузиазмом воскликнул Гари, но его ждало горькое разочарование. Из всего выпуска курсантов лётной школы единственному Роману Кацеву не присвоили офицерского звания по причине иностранного происхождения. Вроде бы уже и француз, но не чистый, значит, *métèque* – слово, которое ксенофобы часто проносили за его спиной. Что же оно означает? В переводе с греческого это иностранец, живущий в Афинах и не имеющий равных прав с гражданами (например, право владеть землёй), но имеющий обязанности – платить налоги и во время войны сражаться с врагом. И «метек» Кацев с первых дней войны мужественно сражался с фашизмом за свободу и честь Франции и закончил её в звании капитана, получив все высочайшие французские награды: Орден Почетного Легиона, Военный крест, медали и очень редкую награду, которую присваивали только героям и часто посмертно – Крест «За освобождение». Этот крест на чёрно-зеленой ленте пришили к груди Романа Гари лично генерал де Голль. Как вы догадываетесь, было за что.

В Лондоне Гари воевал в Воздушных силах Свободной Франции под номером 30349. Перед вылетом на боевое задание летчиков провожали ритуальной фразой: «Ночь будет спокойной». Но самолет в то время был хрупким «летающим гробом» и друзья гибли один за другим. Из эскадрильи в 200 человек осталось в живых пятеро. Военное братство и взаимовыручка для Гари значили дороже жизни. Он был штурманом на бомбардировщике, и вся ответственность за выполнение задания ложилась на него. В один из полетов пилот Арно Лонже, раненый в глаза, вел самолет вслепую, рассчитывая только на команды штурмана. Помочь или заменить Арно было невозможно – он был отделён бронированной перегородкой. Они лавировали в гуще снарядов, давая возможность бомбардиру Бодану сбросить бомбы на объект. И только выполнив задание, раненый в живот и истекающий кровью Гари дал команду возвращаться. Они решили прыгать, как только достигнут английского побережья, но у пилота заклинил парашют. Для Гари даже не было и речи, чтобы бросить друга на борту. Наверное, впервые в истории Королевских ВВС слепой пилот после нескольких попыток сумел приземлиться! Гари потерял сознание, но на лице его была счастливая улыбка. Он выполнил наказ матери: «Славный мой сын, я горжусь тобой... Будь сильным!»

Письма матери продолжали питать сына мужеством и уверенностью в победе. Он и не подозревал, что уже несколько лет назад закончился её земной путь. Но она была актрисой и

гениально сыграла последний акт своей жизни, написав предварительно 250 писем сыну, которые постепенно пересылала ему подруга матери. Этот иконописный образ мамы напоминает звезду, которая уже давно угасла, но свет её еще долго продолжает светить: «Гори, гори, моя звезда»...

Друзья Ромена заметили, что на протяжении всей жизни он продолжал разговаривать с матерью, как будто она была рядом. Когда он отказался от предложения стать академиком, горестно заметил: «Мама будет не довольна».

Как жаль, что она не дождалась его нового рождения – рождения гениального Писателя. Если первый крик новорожденного Романа Кацева раздался в 1914 году, то в 1944 году родился писатель Ромен Гари с первым романом «Европейское воспитание» (Prix des Critiques), а в 1974 году появился новый писатель Эмиль Ажар, Обратите внимание: 1914–1944–1974, каждые тридцать лет Возрождение, как он сам шутил «писатель Renaissance juive».

Выбор псевдонимов не случайный – Гари и Ажар происходят от горения и жара души, подчеркивая этим русское происхождение. Он даже зажигал сигару с двух концов, чтобы наглядно показать свой псевдоним – *гореть*. Но его не понимали.

Катя говорила с такими осуждающими нотками в голосе, что можно было подумать, что присутствующие в зале в чём-то виноваты. Она сожалела, что родилась так поздно. Ей так хотелось быть рядом с ним, понять, принять и спасти его.

– Планета Гари продолжает свое вращение! – победно и выразительно произнесла Катя. Он сохранил для нас вечный огонь человечности и внес свой новый трепет в литературу XX века. Его богатая эрудиция была, как скатерть самобранка, а жизнь, как мозаика разных стилей: русско-еврейский католик, француз по паспорту, говорящий на русском, польском, болгарском, немецком, французском, испанском, английском языках. Но не важно, сколько языков он знал, важна эта удивительная способность владеть языками на литературном уровне. Гари любил шутить: «Я гибрид широких взглядов».

Наверное, говорить по-английски Гари научила его первая жена англичанка Лесли Бланч, на которой он женился в апреле 1945 года. Она была хорошей журналисткой, умной, образованной, знатоком и любительницей Кавказа, а также интересной собеседницей. Гари был младше её лет на десять. Может быть, в этот тяжелый момент жизни (смерть матери, война) он искал понимание, дружбу, интеллектуальную гармонию и любовь, напоминающую материнскую? Лесли Бланч всегда знала, что её муж необыкновенный человек и свой первый роман посвятила Гари. Гораздо позже, когда их уже ничего не связывало, он сделал ей ответный прощальный подарок – роман «Ledy L», который высоко оценил Шарль де Голль: «Ваш роман "Ledy L" очень сильный...»

Конечно же, все узнали в главной героине Лесли Бланч, которая и стала консультантом при экранизации романа кинокомпанией «Метро-Голдвин-Майер». Она с обидой говорила: «Он хотел быть свободным в жизни во всем, и он бросил всё, в том числе и меня».

Но все-таки они прожили вместе 15 лет. И за это время Ромен Гари исполнил мечту своей матери, сменив кожаную куртку пилота на безукоризненный костюм дипломата. На дипломатической службе Гари не покидает надежда гуманиста на братское содружество. Он нашел решение патриотизма и универсализма, он «мечтает мечту» о мирной Европе, дружной, помирившейся, гуманной, щедрой. Он уверен, что объединенная Европа не возродит национализм, который равен фашизму. Ведь все люди братья и все нуждаются в любви и уважении. У дипломата Гари всё ещё остался на губах вкус героического Сопротивления и романтический взгляд на будущее человечества, представление, что весь мир – одна семья.

Конечно же, он был *совестью* Франции. Вот такую характеристику ему дали в МИДе: «Очень прямой, ответственный, широкая натура, богатая культура». Но такой человек не соответствовал стилю функционера МИДа – им невозможно было манипулировать, он был бескомпромиссным, поэтому его карьере очень тормозили. В конце концов Гари понял, что свобода, за которую он сражался, не освободила человечество от ненависти, несправедливости, зависти. Чувствительному Роману такая дипломатия стоила больших усилий и нервов, и он все более погружается в литературную работу. Гари пишет много, как одержимый, одновременно по-французски и по-английски. Он создает сотни персонажей. «Иногда я часами разговариваю с ними, чтобы узнать, откуда они пришли». Даже в литературе он остался рыцарем, «лирическим клоуном», мастером языка со славянской душой и чувствительностью слов...

Катя почувствовала, что сегодня её выступление не плывёт, как обычно, по волнам её памяти, а рассыпается на мелкие и красивые блестящие кусочки, из которых ей никак не удаётся сложить целостный витраж.

– Убери все лишнее и увидишь главное, – вспомнила Катя любимую фразу своего учителя. Но именно главное и ускользало от неё, потому что у Гари все было главным.

Так думала Катя, но ей хотелось, чтобы и слушатели поняли, что для Гари война и литература – это та же битва. Битва одинокого героя против всех. Она негодовала, читая статьи критиков типа Клебера Эденса и Мориса Надо, которые распинали писателя, поливая чёрной краской его светлые крылья.

Но он победил! В 1956 году за первый экологический роман «Корни неба» Гари получил Гонкуровскую премию!

Катя не очень любила говорить о личной жизни Романа Гари, но ведь встреча с Джин Сиберг, юной звездой современного кино, самой красивой исполнительницей роли Жанны д'Арк, культовой актрисой после фильма Годара «На последнем дыхании» изменила судьбу писателя. Как рассказать об этом, не впадая в банальность?

В канун Рождества 1959 года Джин Сиберг с мужем Франсуа Мореем были приглашены на ужин в резиденцию генерального консула Франции Романа Гари в Лос-Анджелесе. Старшая Лесли, образованная, утонченная, с безукоризненным вкусом сумела создать в доме неуловимое ощущение сказки: горящие свечи, кавказские ковры, посуда, привезенная из даль-

них путешествий, русский повар. Этот уют, обещающий что-то волшебное, притягивал гостей. Здесь побывали Софи Лорен, Ирвин Шоу, Игорь Стравинский, Джин Сиберг... Она сидела напротив Гари с короткой стрижкой «под мальчика», и не сводила с него своих восторженных глаз. Джин была так хрупка и красива, что ему сразу же захотелось быть её защитником. Писатель уже видел в ней героиню своего будущего романа. Ярко синие глаза Гари в веере черных ресниц светились сердечным доверием. Роман почувствовал себя легким, окрыленным и удивительно юным, хотя на самом деле был старше Джин почти на четверть века... У них было так мало времени, но так много любви...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.